

Светлана ЗАХАРЧЕНКО

г. Петрозаводск

УРОК ЛЮБВИ

рассказы

*С благодарностью
Марине Андреевой*

Я заканчивала медицинский колледж и за время учёбы изучила много разных дисциплин. Но мне не терпелось проверить себя на практике: смогу ли я делать уколы, выдержу ли неприятные запахи, которые являются непременным атрибутом любой больницы и многое другое, о чем я даже не подумала.

И вот настал тот самый долгожданный день, когда наш курс отправили на практику. Я по-

лучила направление в республиканскую больницу — санитаркой в хирургическое отделение — и предвкушала, что буду помогать на операциях, но оказалось, что моя работа заключается в мытье полов по палатам и подаче судна лежачим больным.

— Что ж, — рассудила я, — и это нужно делать, — и приступила к работе.

В нашем отделении было семь палат. Были и такие лежачие больные, за которыми ухаживали близкие. В последнее время можно за плату получить койку в той же палате, где лежит родственник, чтобы ухаживать за ним.

Про молодую женщину, которая заботилась о больной Калининой из пятой палаты, я так и подумала сначала, что она купила место в палате, пока не вышла в ночную смену.

«Таня», — услышала я, когда вошла в палату мыть полы перед сном.

Это говорила безликим голосом Калинина. Обыкновенная пожилая женщина, мало чем привлекающая к себе внимание: тихая, спокойная. Я поняла, что это она обращалась к своей родственнице. Так и было. Женщина, сидевшая на стуле в ногах койки Калининой, тут же поднялась и подошла к ней.

— Что, мама? — спросила Таня.

— Помоги сестричке, — тихо произнесла Калинина.

— Конечно, — согласилась тут же Таня.

— Что вы, — опешила я, — не положено это. Я сама.

Но Таня приняла активное участие в уборке. Она поднимала стулья, вытаскивала судна из-под коек. Высокая, стройная, она ловко перехватывала стулья и аккуратно ставила их, ни разу не задев койки и не стукнув об пол.

В пятой палате из шести коек одна была свободна, почему я, видно, и подумала, что на ней спит Таня. Но, заходя пару раз в палату ночью, я видела, что Таня сидит на том же стуле в ногах матери. Не знаю, спала ли она, потому что голова ее была опущена на руки, которыми она облокотилась на железную спинку койки.

Эту же самую картину я наблюдала и следующей ночью. Таня читала матери перед сном какую-то толстую книгу, когда я зашла с ведром и шваброй. Мне даже показалось, что я

перепутала и зашла не в палату, а в чью-то комнату, потому что от этих двух женщин веяло домашним уютом. Остальные больные в палате кто слушал Танино чтение, кто спал. Я растерялась: было нелепо шурудить шваброй под койками, но Таня, кивнув матери головой, закрыла книгу и легко поднялась со стула. И опять она ловко переставляла стулья и судна, а мне казалось, что рядом со мной незримо присутствует ангел.

Всю неделю моего ночного дежурства Таня помогала мне. Она не позволяла ухаживать за матерью, упреждая меня во всех попытках подать или вынести судно. И никогда я не видела её раздражённой. Когда Таня обращалась к матери, её лицо словно освещалось изнутри каким-то неуловимым светом. Впрочем, Калинина также смотрела на Таню. Каждый раз, когда я видела их двоих, меня не оставляло ощущение, что между ними существует какая-то тайна.

Однажды я пришла на смену пораньше и услышала, как в сестринской говорят о Калининых.

— Я бы так не смогла, — сказала молоденькая медсестра, — знать, что мать умирает, и ждать смерти.

— Дура ты, она наследства, небось, ждет, — ответила ей другая медсестра, поопытнее, из процедурной, — третий месяц сидит возле койки, не работает, значит, есть денежки-то у них.

— Откуда у них деньги? — возразила третья, — были бы, так не сидела б дочь-то по ночам, а койку купила.

— А может, она экономит? — возразила ей процедурная, — зато потом прокутит сразу всё после смерти-то материной.

— Ты бы язык свой придержала, — пристыдила её третья, — будто у тебя матери нет.

— Ну, есть, ну и что с того? Сиделку бы наняла, — отпарировала процедурная, — что теперь, обеим умирать?

— Ей ведь всего пятьдесят, — вздохнула третья.

— Кому? — спросила молоденькая.

— Да Калининой, — ответила та, — а дочке ее двадцать пять.

— Дочка эта чокнутая. Ей говорят, что у матери последняя стадия рака, а она врачу в ответ: «Я верю, что мама выздоровеет».

Дальше я не слышала, о чем они говорили. Мне захотелось поскорее пойти в пятую палату, чтобы взглянуть на Калининых, судьба которых почему-то так взволновала меня. Я подошла к двери, но не осмелилась открыть её, потому что сквозь стеклянную верхнюю половину двери увидела: Калинины были в палате одни. Мать лежала, а Таня сидела возле нее. Они молчали, просто и хорошо молчали. Таня сидела к двери спиной, и было видно только лицо ее матери, которая улыбалась. Что-то изменилось в ней, но что? И вдруг я увидела, что Калинина — совсем не старая женщина и что на щеках её играет здоровый румянец. Я постояла в оцепенении некоторое время, а потом тихо отошла от двери.

Со времени моей практики прошло несколько лет, но я до сих пор помню пятую палату, в которой получила самый важный урок, урок любви, и узнала о чудодейственной излечивающей силе.

НЕМЕДИЦИНСКИЙ ДИАЛОГ

В начале девятого утра Андрей Ильич Королёв, невысокий худощавый мужчина зрелого возраста, стоял на остановке в ожидании «маршрутки». По сравнению с державшимся неделю двадцатиградусным морозом, сегодняшние минус пять воспринимались как резкое потепление, но Андрею Ильичу было не до этого. Вчера вечером в очередной раз от него ушла жена. Каждый раз, когда ему предлагали место в столице, а он отказывался, Галя устраивала скандал. Да и как он мог уехать и бросить мать, когда десять лет назад ему предложили заведовать проктологическим отделением городской больницы в Питере? А в позапрошлом году конкурник звал возглавить хирургическое отделение в частной проктологической клинике, ко-

торию сам же и открывал. Но зная, какая нервная работа с богатыми клиентами, разве мог Андрей Ильич бросить своих больных? Да и потом он понимал, что никакими деньгами не купить доброе расположение духа. Поэтому Андрей Ильич не сообщил жене о предложенной ему на прошлой неделе вакансии заведующего проктологическим отделением в одной известной московской клинике. Добрая его «замша» Гертруда Юрьевна, надеясь, что место, которое он занимает сегодня, достанется ей, позвонила Гале, и в результате вчерашний вечер превратился в многочасовой кошмар с развалом в квартире: жена решала скоропалительно и так же быстро претворяла эти решения в жизнь.

«Маршрутка» что-то запаздывала. Андрей Ильич вздохнул и тоскливо уставился в ультрамариновый небосвод. Такое холодное синее мерцающее свечение появлялось на экране его компьютера в момент загрузки.

— Небесный компьютер, ну-ну, — пришло вдруг сравнение, и Андрей Ильич задумался: — и правда, если это компьютер, то кто его включает? — Королёв не верил в Бога, считал это бабьими сказками, но и механистическое представление о жизни отметал напрочь. Потому что иначе всё в жизни можно было бы спланировать заранее, болезни все лечились бы... — дальше Андрей Ильич додумать не успел, потому что «маршрутка», с визгом затормозившая перед ним, оказалась той долгожданной.

Как обычно по будням, утро в клинике началось с обхода. Гертруда Юрьевна, покачивая своими мощными телесами, словно заточенными в латы белого халата, важно зачитывала низким грудным голосом истории болезни поступивших ночью больных. А Андрей Ильич осматривал пациентов.

В женской палате новеньких было только двое.

— Барина Ангелия Аркадьевна, — услышал Андрей Ильич, — поступила с перитонитом, возникшим вследствие прободения ободочной кишки.

На кровати у окна лежала женщина лет сорока. Андрей Ильич взгляделся внимательно: нет, раньше он её не видел.

— Странно, — подумал он, — почему фамилия показалась мне знакомой?

После обхода Андрей Ильич заглянул в свой кабинет. До операций, которых предстояло делать три, в том числе и Бариновой, ещё было время выпить чаю, медсестра Лиза побежала ставить чайник в ординаторскую, а Андрей Ильич подошёл к окну. После ремонта здания стекло не промерзло, и даже в сильные морозы из окна его кабинета открывался живописный вид: за крышами многоэтажек виднелась губа Онежского озера. Андрей Ильич любил смотреть в уходящую неведомо куда голубую даль. Его успокаивал неизменный пейзаж за окном. Разве что летом в небесную блёклость примешивалось малость гжельской весёлости.

Шёл снег, но при небольшом морозе воздух набухал, и чувствовалась весна, до которой было ещё не меньше пары месяцев. Андрей Ильич задумчиво проследил взглядом за линии крыш и насторожился: озера не было видно, то есть было непонятно, где озеро, а где небо. Пространство за городом бледнело единой серо-голубой поверхностью. Андрей Ильич смотрел и никак не мог решить, горизонтальная она или вертикальная. Вот утреннее небо: там было всё ясно. Андрей Ильич вспомнил об уходе жены и тут же быстро переключил свои мысли на новых пациенток.

— Ах да, Барина, Барина, конечно, конечно, — обрадовался он. Именно тогда, десять лет назад. После скандала с женой к нему приходила дочь одной пациентки. И у них была такая же фамилия. — Точно! Там был мучительный для больной и её дочери послеоперационный период. Да, дочь ещё говорила, что это фамилия у них такая, а сами они не бере, и за мамой некому, кроме неё, ухаживать... — Андрей Ильич ясно представил картину, как тогда в его кабинете красивая женщина лет тридцати плакала, хватала его за руки, навзрыд кричала, что вынуждена была бросить работу, что от неё ушел муж... — да, да, это точно она: я тогда ещё думал, что вот, от меня Галя ушла, а от неё муж... — и умоляла дать яд, морфий или что-нибудь. Он сам понимал, что запах от людей с большим кишечником мало кто может перенести. — Но Галя? Почему ушла она? Да, да... Это она, та Барина. Странно как-то, уже второй раз эта Барина, — Андрей Ильич разволновался.

— Андрей Ильич, всё готово, — это заглянула Лиза.

— Иду, иду, — ответил ей Андрей Ильич, не оборачиваясь. Ему было неудобно перед Бариновой. Нет, не сейчас, тогда. Она вставала на колени и умоляла: «Только дайте нам яду, я буду молиться за вас». Андрея Ильича перевернуло. — Нет, не для этого я давал клятву Гиппократу... Нет... Я ведь тогда даже не узнал, чем закончилась та история с её мамой...

— Андрей Ильич, скоро оперировать, а Вы чаю не попили, — опять заглянула Лиза, — что Вы там такое разглядываете?

— Да-да, нужно попить чайку, — и Андрей Ильич оторвал взгляд от снежной пелены за окном и глянул на Лизу. — Что разглядывал? Иногда небесный компьютер показывает прошлое... Ну, где там обещанный чай?

Баринову оперировали последней. После операции Андрей Ильич вышел к родственникам пациентки. Операция прошла нормально, но больную ожидал тяжелый послеоперационный период из-за кишечных свищей.

— Как отнесутся к этому дети Бариновой, — подумал Королёв, — если она, учительница (так отмечено в истории болезни), не захотела ухаживать за своей матерью?

В коридоре никого не было, только возле вахтера на входе сидела худенькая, седенькая старушка.

— Вот как оно выходит, — огорчился Андрей Ильич, — никому и не нужна оказалась.

Через некоторое время к нему в кабинет робко постучались. Лиза открыла дверь и вышла, но тут же вернулась:

— Андрей Ильич, там родственница Бариновой, спрашивает, нужно ли что.

В кабинет вошла та самая старушка, которая сидела возле вахты, и стала сразу же благодарить Андрея Ильича:

— Вы, доктор, только скажите, что Вам нужно, мы для Вас ничего не пожалеем. Мы не бере, но для Вас...

— А Вы... — Андрей Ильич не успел задать вопрос, как старушка радостно подхватила:

— Я матерь её, Ангелины-то. Вы ведь и меня пользовали, уж как намаялись со мной, как

намаялись. А теперь вот и дочка моя... Вот уж такое Вам спасибо, такое спасибо...

Андрей Ильич смотрел, как старушка ловко развязывает один за другим узелки на носовом платочке, доставая оттуда аккуратно свёрнутые купюры.

— Да что же это у вас, Бариновых, за болезнь такая? — проговорил он.

— Вот такая у нас болезнь, доктор, Вы уж не побрезгуйте, — старушка пыталась отдать Андрею Ильичу деньги.

— Я не про телесный недуг, а про то, что вы меня постоянно на преступление толкаете.

Старушка растерялась, потом бросилась целовать в знак благодарности ту же самую руку, в которую заталкивала купюры.

— Концерт какой-то, — подумал Андрей Ильич, когда старушку всё-таки удалось уговорить забрать деньги. Лиза повела её в палату к дочери. А Андрей Ильич уселся на диванчик, приняв расслабляющую позу: он любил откинуть голову на спинку диванчика, чувствуя шейными позвонками флисовый валик. Домой идти не хотелось: Галка еще не скоро остынет. В последний раз она три дня у матери отсиживалась. В гардеробном шкафу зазвонил мобильник. Андрей Ильич узнал свой. Он часто забывал телефон в кармане пальто, и теперь лень было подниматься. На пятом звонке Андрей Ильич всё же не выдержал и добрался до назойливого технического приятеля.

— Андрей! — раздался звонкий голос Гали, — знаешь, я тут подумала, что вот ты, доживший до пятидесяти пяти лет, — и Андрей Ильич неожиданно вспомнил, что через месяц у него эта полукруглая дата, — так и остался дураком. Не перебивай, пожалуйста! — Андрей Ильич и не собирался перебивать. — Я с тобой столько лет прожила вместе и только сейчас поняла, что буду ещё большей душой, чем ты, если уйду от тебя. В общем, долго там не задерживайся, светило моё медицинское!

Андрей Ильич нажал на отбой и уставился в оконный проём, в чёрном квадрате которого растворились город вместе с озером и небом.

— Сбой программы, — почему-то подумалось ему. Он уселся на диванчик, улыбнулся кому-то и, положив голову на валик дивана, закрыл глаза.

*(почти святочная история,
произошедшая в действительности)*

Николай подошёл к выкрашенной в белый цвет двери больничной палаты и негромко постучался: он пришел навестить жену с дочкой перед завтрашней выпиской.

Ася сидела на кровати и кормила.

— Дай-ка я гляну, как она ест, — Николаю не терпелось проверить приметы, о которых им с матерью все уши прожужжала тётка. А она то и дело твердила, что если жадно хватает, значит, практичная в жизни будет, хваткая. Ну, а если нехотя сосёт грудь, то жди фифу. Николай работал на оборонном заводе. «Авангард» чудом не закрыли, но руководству пришлось перейти на автономность, чтобы сохранить места. И Николай гордился своей рабочей династией, потому что на этом заводе работали его отец с дядькой, а теперь они с братом. Поэтому фифу в трудовой семье иметь было не с руки.

Ребенок сосал жадно, с нетерпением, и довольный Николай стал предвкушать разговор с тёткой.

— Тихо ты, а то дочку разбудишь. Только-только её усыпила, — Ася кивнула в сторону кровати в форме кювета, и Николай с изумлением обнаружил там ещё одного младенца.

— Ась, это как? Это кто? — Растерянный и

удивлённый, Николай выглядел так смешно, что Ася прыснула, но тут же строго взглянула на него.

— Как это кто? Твоя дочь, копия твоей мамочки, так же поджимает губки, если чем недовольна, или складывает их бантиком, когда ей приятно.

Николай не помнил, чтобы его мать так делала. Он взглянул в кювет. Девочка спала и тихонько посапывала. Ничего в её чертах не напоминало матери, скорее, она была похожа на него самого и чем-то на Асю, но Николай предусмотрительно промолчал об этом. Он спросил жену о другом:

— А тогда кого ты кормишь?

— Это Ванечка, правда, он хорошенький? — Асино лицо осветилось улыбкой, — мы его тут подкармливаем.

— Как подкармливаете? А мать его где? — Николай не понимал, почему на руках у жены был этот чужой мальчик, и не просто был, а как у себя... Николай недовольно глянул в сторону младенца: ведёт себя как ни в чём не бывало. — И жена тоже, — подумал Николай про Асю, — в природе, к примеру, самка ни за что не будет кормить чужого детёныша. А тут своя дочь, — Николай покосился на кювет, — одиноко лежит в кроватке, а она, — Николай переброемил взгляд на жену, — невесть кого к своей груди подпускает.

— Нет у него матери, то есть есть, но она выкинула ребенка в мусоропровод. Коль, представляешь, он родился точь-в-точь в ночь на Крещение, когда и наша дочунька родилась, — Ася радостно щебетала, тетёхая мальчугана, который почмокивал довольно, продолжая сосать грудь, — его нашли через несколько часов наутро.

— Как выбросила? — У Николая похолодело в груди. — Ты чего выдумываешь? Как это можно: ребенка выбросить в... — Николай запнулся, потому что не мог выговорить даже, куда был выброшен этот малыш.

— А вот так, студентка одна родила в общезжитии по-тихому, ну, это университетское, на Герцена которое, и выкинула. Мы, ну, разные мамашки, у кого молоко есть, третий день его подкармливаем, — Ася счастливо смотрела на малыша на своих руках, и у Николая что-то ёкнуло в груди.

— И что с ним будет? — зачем-то спросил он у жены, понимая, что ждёт этого трехдневного мальчугана, который является, по сути, круглым сиротой.

— Коля, а Коля, мы вот тут с мамашками поговорили, лучше бы, чтоб его усыновили прямо сейчас. Ты же сына хотел... — Ася с мольбой смотрела на мужа. Николай знал этот умоляющий взгляд жены: когда она так смотрела, он просто ну ни в чём не мог ей отказать. Но тут... это тебе не мягкая мебель, на которую по Асиным уговорам потратили все её отпускные, это живой человек.

— Ась, ты это брось, — Николай опасливо глянул на жену, — второго точно мальчугана сделаем.

Ася опустила голову к малышу, словно его собирались отнять у неё силой. Плечи её задрожали.

— Ася, ну, не надо, ну, не плачь, его кто-нибудь точно усыновит, — стал уговаривать жену Николай, но та прижималась к младенцу, словно к какому сокровищу, которое отними у неё, и она умрёт.

— Ты... — Ася всхлинула, — ты не понимаешь... ты не знаешь... — и Ася опять уткнулась в малыша.

— Ну да, вот такой я, черствый, — бормотал растерянный Николай, потому что жена применяла к нему сегодня уже второй неотразимый приём.

— Ты не знаешь... Врач сказал, — Ася замолчала и вся напряглась. Остальные слова она произносила в младенца, не поднимая головы, — мой лечащий врач, он сказал, что у меня больше не будет детей. — Ася проговорила всё это каким-то стёртым голосом и заревела.

— Ты не плачь, успокойся, Асенька, ну, ну, не плачь, родная моя, — Николай совсем растерялся, не зная, как успокоить жену. Детей больше не будет... Что теперь делать? Пропадать?.. И вспомнил вдруг: — не реви, а то молоко пропадёт.

Ася тут же замолчала.

— Да положи ты его куда-нибудь, — не выдержал Николай, показывая на младенца, за которым пряталась от него жена.

— Одна уже положила, — резко ответила Ася, и Николай испугался: агрессивная Ася была страшнее волчицы и лучше её до такого состояния не доводить. Ася гневно глянула на мужа:

— У всех есть право иметь свою семью, и у этого малыша есть такое право.

— А вдруг он болеть будет, и потом, неизвестно, какое у него генетическое наследство, — Николаю хотелось найти какой-нибудь аргумент, чтобы объяснить своей Асеньке всю нелепость её предложения.

— Коля, но он выжил, несмотря на мороз, такой сильный, почти тридцать градусов в ту ночь было, ты же помнишь. Он несколько часов голенький в мусоропроводе пробыл, значит, Бог хочет, чтобы малыш жил, и не оставит его, — Колю передёрнуло от картины: мусорная труба и голый беспомощный малыш в ней.

— М-да, ну и история, — Николай не знал, что делать. Столько новостей свалилось на него за этот час, что голова шла кругом: детей больше у них не будет. Кто их знает, этих врачей, но раз так сказали, значит, что теперь делать? Николай вздохнул и посмотрел в кювет... — и подкидыш вот, — начал было думать он, но Ася продолжала что-то говорить, и Николай уставился на жену.

— Коленька, это же промысел Божий, что он попал именно в наш роддом, — начала опять Ася.

— Ась, успокойся, надо всё хорошенечко обдумать, мы девять месяцев дочку ждали...

Ася перебила мужа:

— Не дочку ты ждал, ты сам что говорил? Забыл! Ты всем хвастался, что сынулю заделал, пока тебе тётка нос не направила на пузо.

Николай вспомнил, как тётка раньше УЗИ определила по форме живота пол будущего младенца, чем несколько огорчила будущего папашу.

— Ладно тебе, — пошёл он на попятный, — я ещё к одному ребёнку не привык, а ты мне сразу второго предлагаешь, — Николай обрадовался найденному аргументу.

— Будешь привыкать сразу к двум, — логика жены была, как всегда, невообразима и потому неотразима, — родился он в тот же день, что и наша девочка, — двойнятами можно записать.

— Ась, ну и как мы объясним родным? — не сдавался Николай.

— А им-то чего? Двойная радость будет. Сразу и внучка, и внук. Всем угодим дедкам-бабкам, и твоим, и моим, — Ася вздёрнула носик, и Николай ободрился. Он любил, когда Ася так делала, потому что это означало её уверен-

ность. — Его все Ванечкой тут зовут. И мы его так назовём, ладно?

— Почему? — спросил Николай, чувствуя себя по-идиотски.

— Почему так назвали? Иван, не помнящий родства, знаешь кто это? Ну, так вот этот малыш без корней оказался. Не по своей вине, конечно, — Ася спешила говорить, потому что видела, как Николай напряжен. — А мы как дочку назвать хотели?

— Анечкой, — расплылся в улыбке счастливый отец, — как маму мою, то есть бабушку.

— Вот, Аня и Ваня — от имени одного святого производные.

— Как это, от одного? — смысл Асиных слов доходил до Николая какими-то кусками: его мозг сегодня превратился в бытовой ПК, оперативной памяти которого не хватало для полноценной работы.

— Иван — это по-русски, а произошло от византийского имени Иоанн, — Ася была в области имен докой, она запоминала все значения. — Анна и Иоанн, Коля, ну как Евгения и Евгений, ты понимаешь, да? Понимаешь, что неспроста это. Это же благодать в квадрате.

— В каком квадрате? — опешил Николай.

— Ну, Анна и Иоанн — это благодать Божия, — объяснила Ася.

— Благодать...

— Коля, да он же на тебя похож! У него твой разрез глаз, и они такие же небесно-голубые, как у тебя, когда ты счастлив!

— Кроватка уже куплена, — Николай запоз-

дало стал говорить о том, что ждёт Асю дома, и тут же замолчал, потому что... Николай автоматически глянул на младенца, а тот, словно понимая, о чем говорят, распахнул свои глаза навстречу. Николай на минуту даже замер под этим внезапным взглядом.

— Ваня и Аня... Ну, я тогда пошёл, — Николай потоптался возле кровати жены, посмотрел на кювет, в котором посапывала спящая дочка.

— Куда ты? Тебе же сегодня не надо на работу, — Ася встревожилась: она хорошо выучила график мужа и знала, что у Николая по понедельникам профилактический день.

— Как куда? Документы же нужно еще оформлять на него, — он кивнул в сторону младенца, — так просто ведь его нам не отдадут. Кроватку вот тоже нужно.

— Коля! Коленька! — Ася вскочила, положила аккуратно сверток с малышом на свою кровать и бросилась на мужа, — ты знаешь кто? — Николай знал, что будет дальше, и счастливая блаженная улыбка, как приклеенная, застыла на его лице, — ты самый-самый-самый! Самый-самый-самый мой, самый-самый-самый лучший муж и папка!

— Ну, ладно тебе, ладно, я пошёл, — Николай засмутился, — ты это брось, а то вдруг кто зайдет, медсестра какая-нибудь там, — но Асю было не остановить: она расцеловывала своего Колю, своего доброго Колю, своего ненаглядного Колю, на которого похожи два их малыша, а значит, они тоже вырастут добрыми.

□

Светлана Олеговна ЗАХАРЧЕНКО

родилась в г. Челябинске.

Работает в Петрозаводском государственном университете

на кафедре туризма преподавателем этики.

Кандидат филологических наук.

Автор трех поэтических книжек.

С 1983 г. проживает в Петрозаводске.

Член Союза российских писателей с 2006 г.

